

ПАЛОМНИЧЕСТВО В СТРАНУ ВОСТОКА

1926, выдержки Дятлова Н. С. от 19.04.2021, 1–10/30=67%

1. В самом деле, мало того, что от времени нашего странствия у меня не осталось решительно никаких записей, никаких помет, никаких документов, никаких дневников, — протекшие с той поры годы неудач, болезней и суровых тягот отняли у меня и львиную долю моих воспоминаний; среди ударов судьбы и все новых обескураживающих обстоятельств как сама память моя, так и мое доверие к этой некогда столь драгоценной памяти стали постыдно слабы.
2. На деле все эти люди не состоят с нашим Братством и с нашим паломничеством ни в каком отношении, или разве что в таком, в каком проповедники незначительных пиетистских сект состоят со Спасителем, с апостолами и со Святым Духом, на особую близость к каковым они, однако же, притязают.
3. некоторые этапы нашего паломничества в страну Востока, сопряженные с отказом от банальных удобств современного передвижения, как-то: железных дорог, пароходов, автомобилей, аэропланов, телеграфа и прочая, — вправду знаменовали некий выход в миры эпоса и магии
4. Я держусь одних мыслей с Сиддхартой, нашим мудрым другом с Востока, сказавшим однажды: «Слова наносят тайному смыслу урон, все высказанное незамедлительно становится слегка иным, слегка искаженным, слегка глуповатым — что ж, и это неплохо, и с этим я от души согласен: так и надо, чтобы то, что для одного — бесценная мудрость, для другого звучало как вздор».
5. Те уровни бытия, на которых совершались наши подвиги, те пласты душевной реальности, которым они принадлежали, было бы сравнительно нетрудно сделать доступными для читателя, если бы только дозволено было ввести последнего в недра тайны Братства.
6. Кто речь ведет об отдаленных странах, Ему являвших чудеса без меры, Во многих будет обвинен обманах И не найдет себе у ближних веры, Причисленный к разряду шарлатанов; Тому известны многие примеры. А потому надеяться не смею, Что чернь слепую убедить сумею.
7. Вся история народов часто представляется мне не чем иным, как книжкой с картинками, запечатлевшими самую острую и самую слепую потребность человечества — потребность забыть. Разве каждое поколение не изгоняет средствами запрета, замалчивания и осмеяния как раз то, что представлялось предыдущему поколению самым важным?
8. К особенности паломничества в страну Востока принадлежало в числе другого и то, что хотя Братство, предпринимая это странствие, имело в виду совершенно определенные, весьма возвышенные цели (каковые принадлежат сфере тайны и постольку не могут быть названы), однако каждому отдельному участнику было дозволено и даже вменено в обязанности иметь еще свои, приватные цели; в путь не брали никого, кто не был бы воодушевлен такими приватными целями, и каждый из нас, следуя, по-видимому, общим идеалам, стремясь к общей цели, сражаясь под общим знаменем, нес в себе как самый скрытый источник сил и самое последнее утешение свою собственную, неразумную детскую мечту.
9. Наш народ, получив встряску от войны, доведенный до отчаяния нуждой и голодом, глубоко разочарованный кажущейся ненужностью всех принесенных жертв, был открыт для кошмаров большой мысли, но и для каких-то подлинных восторгов души
10. «Anima pia», — обращался он ко мне, заклиная меня хранить твердость в вере, мужество перед лицом опасности, любовь к собратьям. Тщательно подготовясь за время испытания, я произнес текст присяги, торжественно отрекся от мира и всех лжеучений его и получил на палец кольцо, на котором были выгравированы слова из одной чудной главы летописей нашего Братства
11. все наше воинство в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении духа к своей отчизне, к утру, к началу.

12. всегда особенно любил, хотя еще не понимал, как должно, слова поэта Новалиса: «Так куда идем мы? Все туда же — домой».
13. Между тем наша группа двинулась в путь, вскоре мы начали встречаться с другими группами, и нас все больше и больше наполняло блаженством чувство единства и общей цели. В соответствии с нашим уставом жили мы, как должно пилигримам, не пользуясь ни одним из тех удобств, которые порождены миром, обезумевшим под властью золота, числа и времени, и опустошают человеческую жизнь; сюда относятся прежде всего механизмы, как-то: железные дороги, часы и тому подобное.
14. Нередко мы при этих занятиях встречали насмешки и глумления неверующих, но довольно часто бывало, что священники дарили нам благословение и звали в гости, что дети вне себя от радости шли за нами, разучивали наши песни и провожали нас слезами, что старик показывал нам позабытые реликвии былых времен или рассказывал местную легенду, что юноши вызывались пройти вместе с нами часть пути и просили о принятии в Братство.
15. на единственной невредимой стене капеллы проступал исполинского роста святой Христофор, державший на плече младенца Христа, чья фигурка почти стерлась от времени.
16. Однажды мне довелось пережить вместе с другими, как один из моих товарищей переменял свой образ мыслей, попрал ногами свой обет и вернулся во тьму безверия. Это был молодой человек, который мне определенно нравился. Личный мотив, увлекавший его в направлении страны Востока, состоял в том, что ему хотелось увидеть гроб пророка Мухаммеда, будто бы, как он слышал, свободно витающий в воздухе.
17. этот злополучный человек, уже и ранее являвший черты уныния и скованности, повстречал одного старого своего учителя, к которому со школьных годов привык относиться с обожанием; и этому учителю удалось заставить юношу снова увидеть наше дело в таком свете, как оно представляется неверующим.
18. он крикнул тому в гневе, что не хочет больше участвовать в этом шутовском шествии, которое никогда не придет на Восток, что ему надоело прерывать путешествие на целые дни из-за нелепых астрологических опасений, что ему осточертело безделье, осточертели праздники цветов и ребяческие процессии, осточертело важничание с магией и привычка смешивать поэзию и жизнь, что он порывает со всем этим, швыряет под ноги предводителям свое кольцо и покорнейше раскланивается, чтобы при помощи испытанной железной дороги вернуться на свою родину, к своей полезной работе. Это было неприятное и печальное мгновение, у нас сжимались сердца от стыда за безумца и одновременно от жалости к нему.
19. Сначала, по слухам, он рассказывал, будто принадлежит к Братству и просто отстал и сбился с пути на переходе, но затем принялся плакать и поведал, что был нам неверен и дезертировал, однако теперь-де видит, что жизнь без Братства для него невозможна, он хочет и должен нас разыскать, чтобы кинуться предводителям в ноги и вымолить у них прощение.
20. — Если он найдет путь возврата, это будет для нас радостью. Облегчить ему поиски мы не можем. Он сам затруднил себе вторичное обретение веры, и я боюсь, что он нас не увидит и не узнает, даже если мы пройдем рядом с ним. Он сделал себя незрячим. Раскаяние само по себе не пользует нимало, благодати нельзя купить раскаянием, ее вообще нельзя купить. Подобное случалось уже со многими, великие и прославленные люди разделили судьбу нашего юноши. Однажды в молодые годы им светил свет, однажды им дано было увидеть звезду и последовать за ней, но затем пришел насмешливый разум мира сего, пришло малодушие, пришли мнимые неудачи, усталость и разочарование, и они снова потеряли себя, снова перестали видеть. Многие из них всю свою жизнь не переставали нас искать, но уже не могли найти, а потому возвещали миру, что наше Братство — всего лишь красивая сказка, которой нельзя давать соблазнить себя. Другие стали заклятыми врагами, они извергали против Братства все виды хулы и причиняли ему все виды вреда, какие могли измыслить.
21. Подчас брат шел своим путем совершенно один, и мне приходилось делать переходы в одиночестве, когда какое-нибудь знамение или какой-нибудь призыв направляли меня особой тропой.
22. их Библией была книга о подвигах Дон Кихота, во славу которого они намеревались посетить Испанию.

23. они следуют своим путем, как мы следуем нашим, у каждого из них в сердце своя греза, свое желание, своя тайная игра, и все же они движутся, образуя вместе с нами струение единого потока, они тайными нитями связаны с нами, они несут в в своих сердцах то же благоговение, ту же веру, что и мы, они давали тот же обет, что и мы!
24. Так, как мы шли теперь, в свое время шли паломники, монахи и крестоносцы, чтобы освободить Гроб Господень или учиться арабской магии, это был путь паломничества испанских рыцарей и немецких ученых, ирландских монахов и французских поэтов.
25. Поскольку я по профессии являл собою всего лишь скрипача и рассказчика сказок, в мои обязанности входило заботиться о музыке для нашей группы паломников, и я испытал на собственном опыте, как великое время поднимает маленького индивида выше его будничных возможностей и удесятерит его силы. Я не только играл на скрипке и руководил хоровым пением, я также собирал старинные песни и хоралы, сочинял шестиголосные и восьмиголосные мадригалы и мотеты и разучивал их с певцами.
26. Рассказ мой дополнительно затруднен и тем, что шли мы, как известно, не только через пространства, но и через времена. Мы направлялись на Восток, но мы направлялись также к Средневековью или в Золотой Век, мы бродили по Италии, по Швейцарии, но нам случалось также останавливаться на ночь в X столетии и пользоваться гостеприимством фей или патриархов.
27. целью нашей была не просто страна Востока, или, лучше сказать, наша страна Востока была не просто страна, не географическое понятие, но она была отчизной и юностью души, она была везде и нигде, и все времена составляли в ней единство вневременного.
28. позднее, когда блаженство ушло от меня, я стал отчетливо видеть все эти связи, из чего, однако, не мог извлечь для себя ни малейшей пользы или радости. Когда нечто бесценное и невозвратимое погибло, у нас часто является чувство, как будто нас вернули к яви из сновидения. В моем случае такое чувство до жути точно.
29. Как раз об этих лучших переживаниях можно по-настоящему дать понятие лишь тому, кто сам был причастен их духу; так, как их описываю я, они выглядят бедными, может быть, даже вздорными
30. О, кто из нас мог подумать, что волшебный круг так скоро распадется, что почти все мы — и я, и я тоже! — сызнава заблудимся в унылых беззвучных пространствах нормированной действительности, точь-в-точь чиновники или лавочники, которые, придя в себя после попойки или воскресной вылазки за город, сейчас же нагибают голову под ярмо деловых будней!
31. Среди нас было много людей искусства, много живописцев, музыкантов, поэтов, передо мной являлись яростный Клингзор и беспокойный Хуго Вольф, неразговорчивый Лаушер и блистательный Брентано — но, сколь бы живыми, сколь бы обаятельными ни были образы этих людей, другие образы, рожденные их фантазией, все без исключения несли в себе куда больше жизни, красоты, радости, так сказать, реальности и правильности, чем их же творцы и создатели.
32. Я спросил Лео, почему это художники по большей части выглядят лишь как половинки людей, между тем как созданные ими образы являют столь неопровержимую жизненность.
33. — То же самое бывает с матерями. Произведя на свет детей и отдав им вместе с молоком свою красоту и силу, они сами делаются невзрачными, и никто их больше не замечает.
34. — Это закон служения. Что хочет жить долго, должно служить. Что хочет господствовать, живет не долго. — Почему же тогда многие рвутся стать господами? — Потому что не знают этого закона. Лишь немногие рождены для господства, им это не мешает оставаться радостными и здоровыми. Но другие, те, что стали господами просто потому, что очень рвались к этому, они все кончают в нигде. — В нигде? Как это понять, Лео? — Ну, например, в санаториях.
35. древний враг силится обратить в ничто наши замыслы
36. без Лео, без его приветливого лица, без его веселости и его песен, без его веры в наше великое предприятие само это предприятие по какой-то неизъяснимой причине казалось бессмысленным. Во всяком случае, со мной было так. До этого, за все предшествующие

месяцы нашего путешествия, вопреки всем трудностям и кое-каким маленьким разочарованиям, мне еще ни разу не пришлось пережить минут внутренней слабости, серьезного сомнения: никакой победоносный полководец, никакая ласточкина пути перелетной стаи к Египту не имеет такой уверенности в своей цели, в своем призвании, в правильности своих действий и своих усилий, какую имел я с начала пути.

37. теперь я впервые ощутил в моем сердце нечто вроде уныния и сомнения, и чем сильнее становились во мне эти чувства, тем отчетливее выяснялось и другое: увы, я терял веру не только в обретение Лео, все становилось зыбким и недостоверным, все угрожало лишиться своей ценности, своего смысла — наше товарищество, наша вера, наша присяга, наше паломничество, вся наша жизнь.
38. Если я заблуждаюсь, приписываю эти чувства не одному себе, но всем моим спутникам, более того, если я задним числом впал в заблуждение относительно собственных моих чувств, собственного внутреннего опыта и многое, что мне на деле довелось пережить лишь позднее, ошибочно отношу к тому дню
39. И под конец, когда вещи, почитавшиеся утраченными, оказались либо вовсе не утраченными, либо излишними и ненужными, речь должна была идти, по сути говоря, только об одной драгоценности, но это был впрямь чрезвычайно важный, основополагающий, безусловно необходимый документ, который был действительно потерян, и притом без всякой надежды его найти.
40. Наряду с этим возникали также другие утверждения и мнения, одни упрямо стояли на своем, другие давали себя ежеминутно переубедить то одним, то другим аргументом своих противников, чтобы так же быстро сменить новую точку зрения еще на одну. Короче говоря, с этого часа в нашей общности больше не было ни устойчивости, ни единомыслия, хотя наша великая идея пока еще не давала нам разбрестись.
41. Ах, как хорошо помню я наши первые споры! Они били чем-то совершенно новым и неслыханным в нашем довело столь ненарушимо единодушном Братстве. Их вели со взаимным уважением, с учтивостью, по крайней мере сначала, на первых порах, они еще не вели ни к стычкам, ни к личным попрекам или оскорблениям; пока мы еще готовы были стоять против всего мира как неразрывно сроднившиеся братья.
42. печально тверд в моей вере
43. Какой бы удручающей ни была такая вера, все же это была вера, в ней была устойчивость и защищенность. Впрочем, тогда мне казалось, что я с охотой променял бы эту веру на какую-нибудь иную, более утешительную. Лишь позднее, когда я утратил эту печальную веру и сделался незащищен перед всеми мыслимыми мнениями, я понял, как много она мне давала.
44. я кажусь сам себе похожим на какого-нибудь престарелого, пережившего свой век служителя, хотя бы на одного из паладинов Карла Великого, который сберегает в своей памяти блистательную череду подвигов и чудес, память о коих исчезнет вместе с ним, если ему не удастся передать потомству нечто в слове или образе, в повествовании или песне.
45. Но как, при помощи каких уловок искусства найти к этому путь, как мыслимо сделать историю нашего паломничества в страну Востока сообщимой читателю? Я этого не знаю. Уже самое начало, вот этот мой опыт, предпринятый с самыми благими намерениями, уводит в безбрежное и невразумительное. Я хотел всего-навсего попытаться перенести на бумагу то, что осталось у меня в памяти о ходе и отдельных происшествиях нашего паломничества в страну Востока, казалось, ничто не может быть проще. И вот, когда я еще почти ничего не успел рассказать, я уже застрял на одном-единственном незначительном эпизоде, о котором поначалу даже не подумал, на эпизоде исчезновения Лео, и вместо ткани у меня в руках тысячи перепутанных нитей, распутать и привести в порядок которые было бы работой для сотен рук на многие годы, даже и в том случае, если бы не каждая нить, едва до нее дотронешься и попробуешь осторожно потянуть, оказывалась такой ужасающе неподатливой и рвалась у нас между пальцев.
46. Как я представляю себе, нечто подобное происходит с любым историографом, когда он приступает к описанию событий некоей эпохи и при этом всерьез хочет быть правдивым. Где средоточие происшествий, где точка схода, с которой соотносятся и в которой становятся

единством все факты? Чтобы явилось некое подобие связи, причинности, смысла, чтобы нечто на земле вообще могло стать предметом повествования, историограф принужден измыслить какой-то центр, будь то герой, или народ, или идея, и все, что в действительности совершалось безымянно, отнести к этому воображаемому центру.

47. Но уж если так трудно изложить в осмысленной связи даже последовательность реально происшедших и документально засвидетельствованных событий, в моем случае все много труднее, ибо здесь все при ближайшем рассмотрении оказывается недостоверным, все ускользает и распадается, как распалась сама наша общность, самое крепкое, что было в мире. Нигде нет единства, нет средоточия, нет оси, вокруг которой вращалось бы колесо.
48. Я кладу перо, положим, с намерением и с надеждой продолжить завтра или в другой раз, нет, еще раз начать все сызнова, но за этим намерением и этой надеждой, за моим неудержимым порывом рассказывать и рассказывать нашу историю лежит смертельное сомнение. Это исстари знакомое сомнение, которое началось в часы, когда мы разыскивали Лео по долине Морбио. Сомнение это не ограничивается вопросом: вправду ли можно рассказать то, что было? Оно ставит другой вопрос: вправду ли было то, что я хочу рассказать? Стоят вспомнить примеры, как даже участники мировой войны, у которых нет ни малейшего недостатка в фиксированных фактах, в засвидетельствованной истории, подчас должны были испытать то же сомнение.
49. Наше путешествие в страну Востока и лежавшее в его основе наше сообщество, наше Братство — это самое важное, единственно важное, что было в моей жизни, нечто, в сравнении с чем моя собственная личность просто ничего не значит. И вот теперь, когда я силюсь записать и запечатлеть это единственно важное, или хотя бы малую его долю, передо мной распадающаяся на обломки масса образов, однажды отразившихся в некоем зеркале, и это зеркало — мое собственное «я», и это «я», это зеркало, всякий раз, когда я пытаюсь задавать ему вопросы, оказывается просто ничем, пустотой, лишенной глубины поверхностью стеклянной глади.
50. и тогда мы брались за дело, по всем обычным соображениям неосуществимою, и тогда мы шли, казалось, в темноту, не зная пути, без малейшего расчета на успех, — и все же в наших сердцах ярко сияла, затмевая любую действительность, любую видимость неизбежного, вера в смысл и в необходимость предпринятого нами.
51. И при этом я сохраняю верность, если это сегодня еще мыслимо, одной из первейших заповедей нашего великого времени: только не рассчитывать, только не давать запугать себя соображениями рассудка, но помнить, что вера сильнее, нежели так называемая действительность.
52. Ах да, усмехнулся он с дружелюбной иронией, еще бы, об этой затее он слышал, среди его приятелей принято именовать ту эпоху, может быть, слишком уж непочтительно, «Крестовым походом детей». В его кругу, продолжал он, принимают это движение не слишком всерьез, примерно так, как принимали бы еще одно движение теософов или очередную попытку установить на земле братство народов, хотя, впрочем, отдельным успехам нашего предприятия немало дивились: о дерзновенном марше через Верхнюю Швабию, о триумфе в Бремгартене, о передаче тессинской деревни Монтаг кое-кто читал с большим волнением и временами задавался мыслью, нельзя ли поставить движение в целом на службу республиканской политике. Однако затем дело, по всей очевидности, потерпело фиаско, многие из прежних вождей отступились от него, даже начали его стыдиться и не хотят о нем вспоминать, вести стали все реже и все более странно противоречат друг другу, так что в итоге затея положена под сукно и предана забвению, разделив судьбу столь многих эксцентрических движений послевоенного времени в политике, религии, художественном творчестве. Сколько пророков, сколько тайных сообществ с мессианскими упованиями, с мессианскими претензиями объявилось в ту пору, и все они канули в вечность, не оставив никаких следов.
53. Отлично, его точка зрения была мне ясна, это была точка зрения благожелательного скептика. В точности так, как Лукас, должны были думать о нашем Братстве и о нашем паломничестве в страну Востока все, кто был наслышан об истории того и другого, но ничего

не пережил изнутри. Я менее всего был намерен обращать Лукаса, хотя вынужден был кое в чем его поправить, например, указать ему на то, что наше Братство отнюдь не порождено послевоенными годами, но проходит через всю мировую историю в виде линии, порой уходящей под землю, но ни в одной точке не прерывающейся; что некоторые фазы мировой войны также суть не что иное, как этапы истории Братства; далее — что Зороастр, Лао-Цзы, Платон, Ксенофонт, Пифагор, Альберт Великий, Дон Кихот, Тристрам Шенди, Новалис и Бодлер — основатели Братства и его члены. Он улыбнулся в ответ именно той улыбкой, которой я ожидал.

54. Едва ли мне недостает литературных способностей, кажется, они у меня есть, а с другой стороны, я в этом пункте вовсе лишен честолюбия. Нет, происходит вот что: реальность, которую я пережил некогда вместе с моими товарищами, уже ушла, и хотя воспоминания о ней — самое ценное и самое живое, что у меня осталось, сама она кажется такой далекой, настолько иная на ощупь, по всему своему составу, словно ее место было на других звездах и в другие тысячелетия или словно она прибрелась мне в горячечном сновидении.
55. Но стоило мне сесть за мой письменный стол, на мой стул, ощутить крышу над головой и перо в руке, как все эти скошенные ураганным огнем леса и деревни, это содрогание земли под грохотом канонады, эта мешанина дерьма и величия, страха и героизма, распотрошенных животов и черепов, смертного ужаса и юмора висельника — все, все отступило невообразимо далеко, стало всего-навсего сновидением, не имело касательства ни к какой реальности и ускользало при любой попытке его ухватить.
56. Но поймите меня: я не верю, что десять таких книг, будь каждая из них в десять раз лучше моей, пронзительнее моей, могли бы дать самому благорасположенному читателю какое-то представление о том, что же такое война, если только он сам ее не пережил. А ведь таких, которые действительно пережили войну, совсем не так много. Среди тех, кто в ней «принял участие», далеко не каждый ее пережил. И даже если многие на самом деле ее пережили — они уже успели все забыть. Я думаю, что после потребности в переживании у человека сильнее всего потребность забыть пережитое.
57. Он замолчал и посмотрел отрешенным, невидящим взглядом, его слова подтвердили мои собственные мысли, мой собственный опыт.
58. Пока я писал, я находился в горячке, в каком-то безумии, меня обступало трое или четверо мертвецов, их изувеченные тела — вот как родилась моя книга.
59. Я хотел возразить, что без навязчивых идей книг вообще не пишут, но он меня не слушал.
60. Он занимается то одним, то другим, сообщили мне, он знает толк в уходе за ногтями, педикюре и массаже, prepares целебные мази и настойки трав; в худые времена, когда нет работы, он иногда нанимается дрессировать или стричь собак.
61. Ах, все это положительно доводит меня до отчаяния, но одновременно делает и счастливым, или хотя бы ожившим, возбужденным, снова заставляет принимать себя самого и свою жизнь всерьез, чего со мной так давно не было.
62. Возможно, правы те психологи и знатоки жизни, которые выводят всякое человеческое действие из эгоистических мотивов. Положим, мне не совсем понятно, почему человек, который всю жизнь кладет на служение своему делу, забывает о собственных удовольствиях, о собственном благополучии, приносит себя ради чего-то в жертву, ничем, по сути дела, не отличается от другого, который торгует рабами или оружием и тратит нажитое на сладкую жизнь; но я не сомневаюсь, что в любой словесной стычке психолог взял бы надо мной верх и доказал бы, что ему надо, — на то он и психолог, чтобы брать верх. Не спорю, пусть они правы. В таком случае все, что я считал добрым и прекрасным и во имя чего приносил жертвы, тоже было всего-навсего маскировкой моего эгоистического аффекта. Что же до моего плана написать историю нашего паломничества, то здесь я, во всяком случае, ощущаю эгоистическую основу с каждым днем все отчетливее: сначала мне представлялось, будто я беру на себя трудное служение во имя благородного дела, но мне приходится все отчетливее видеть, что и я с моим описанием паломничества стремился совершенно к тому же, к чему господин Лукас со своей книгой о войне, — спасти собственную жизнь, сызнова возвращая ей какой-то смысл.

63. Если бы мне только увидеть путь! Если бы мне только сделать хоть один шаг вперед!
64. Господи, помоги же мне хоть немного.
65. Взгляд старика согрел мою душу, мне было жаль, что он ушел.
66. это был сам Лео, наш милый спутник и слуга в паломничестве, который во время оно, десять или более лет тому назад, своим исчезновением заставил нас так страшно потерять присутствие духа и мужество.
67. Как глубоко и как страшно переменялось для меня все, если звук насвистываемой мелодии, ритм знакомый шагов одним тем, что напоминал мне о потерянном былом, мог с такой силой ранить меня в самое сердце, мог причинить мне такую радость и такую боль.
68. Но нет, он отнюдь меня не узнал, даже по голосу, и, хотя это отвечало моему первоначальному желанию, я почувствовал, что глубоко разочарован. Он меня не узнал. В то время как сам он за десять лет остался прежним, словно бы даже не изменился в возрасте, со мной, увы, дело обстояло иначе.
69. — Знаете, иногда случается, что человека перестает радовать именно то, что прежде было ему дорого. Случается, что музыкант продает свою скрипку или разбивает ее о стену или что живописец в один прекрасный день сжигает все свои картины. Вы никогда о таком не слышали? — Слышал. Стало быть, от отчаяния. Это бывает. Мне случалось даже знать двух человек, которые на себя руки наложили. Бывают на свете глупые люди, на них и смотреть больно. Некоторым уже нельзя помочь.
70. Но когда я думаю о его жизни, мне больше всего по душе молодой Давид со своей арфой, и как он утешал бедного Саула своей музыкой, и мне просто жаль, что позднее он стал царем. Он был куда счастливее и симпатичнее, когда оставался музыкантом.
71. — Конечно, — вскричал я в некоторой запальчивости. — Конечно, тогда он был моложе, счастливее и симпатичнее. Но человек не остается молодым вечно, и ваш Давид все равно стал бы со временем старше, безобразнее, озабоченнее, даже если бы продолжал быть музыкантом. И зато он стал великим Давидом, он совершил свои деяния и написал свои псалмы. Жизнь, знаете ли, не только игра!
72. Но что жизнь не только игра, этого мне не докажет никакой Давид. Именно игра и есть жизнь, когда она хороша! Конечно, из нее можно делать что угодно еще, например обязанность, или войну, или тюрьму, но лучше она от этого не станет.
73. Вы спрашиваете, знаю ли я вас? Разве какой-нибудь человек знает другого или даже самого себя? А я, видите ли, вообще не знаток людей. Люди меня не занимают. Собаки — это да, их я знаю очень хорошо, птиц и кошек — тоже. Но вас, сударь, я вправду не знаю.
74. — Я всегда в странствии, сударь, и я всегда принадлежу к Братству. Там одни приходят, другие уходят, мы и знаем, и не знаем друг друга. С собаками это куда проще.
75. на душе у меня было тоскливо, мне казалось непереносимым, что Лео состоит в столь нежной дружбе вот с этим волкодавом и, вероятно, еще со многими, может быть, даже со всеми собаками в округе, между тем как от меня его отделяет целый мир отчужденности. Та дружба, то доверие, которых я с такой мольбой, с таким унижением домогался, принадлежали, по-видимому, не только этому псу Неккеру, они принадлежали каждому животному, каждой капле дождя, каждому клочку земли, на который Лео вступал, он дарил себя непрестанно, он состоял в некоей текучей, струящейся связи и общности со всем, что его окружало, он все узнавал в лицо, сам был узнан всем и любим всем — и только ко мне, так его любившему и как остро в нем нуждавшемуся, от него не шло никакой тропы, только меня одного он отсекал от себя, смотрел на меня холодно и отчужденно, не пускал меня в свое сердце, вычеркивал меня из своей памяти.
76. Он мигом исчез в ночной темноте, я остался один, я чувствовал себя глупцом, проигравшим игру. Он меня не узнавал, не хотел узнавать, он надо мной потешался.
77. Я пошел назад той же дорогой, за оградой заливался осатанелым лаем пес Неккер. Среди влажной теплоты летней ночи меня знобило от усталости, уныния и одиночества.
78. И прежде я знал такие часы, мне случалось основательно распробовать их горечь. Но прежде подобное отчаяние выглядело для меня самого так, как будто я, сбившийся с пути пилигрим, добрал наконец до предельного края мира и теперь не остается ничего другого,

как повиноваться последнему порыву и броситься с края мира в пустоту — в смерть. Со временем отчаяние возвращалось, и не раз, но бурная тяга к самоубийству преобразилась и почти пропала. «Смерть» перестала означать ничто, пустоту, голое отрицание. Многие другое также изменило свой смысл. Часы отчаяния я принимаю теперь так, как все мы принимаем сильную физическую боль: ее терпишь, жалуясь или сжав зубы, следишь, как она прибавляется и нарастает, и чувствуешь то яростное, то насмешливое любопытство — как далеко это пойдет, насколько может боль становиться злее?

79. Вся горечь моей разочарованной жизни, которая с момента моего одинокого возвращения из неудавшегося паломничества в страну Востока неудержимо становилась все более бесцельной и унылой, мое неверие в себя самого и в свои способности, моя пропитанная завистью и раскаянием тоска по лучшим и более великим временам — все это росло во мне как волна боли, выростало до высоты дерева, до высоты горы, расширялось, и при этом все было связано с моей нынешней задачей, с моей начатой историей паломничества и Братства. Не могу сказать, что предполагаемый результат сам по себе продолжал представляться мне особенно желанным или ценным. Что сохраняло для меня цену, так это одна надежда через мой труд, через мое служение памяти о тех возвышенных временах как-то очистить и оправдать собственное бытие, восстановить свою связь с Братством и со всем пережитым.
80. Наваливавшаяся на меня только что усталость улетучилась, я сидел как в жару и писал.
81. Дома я зажег свет, засел за письменный стол, как был, в мокрой одежде, не сняв с головы шляпы, и написал письмо Лео, написал десять, двенадцать, двадцать страниц, наполненных жалобами, укоризнами себе, отчаянными мольбами к нему.
82. Словно в лихорадке, марал я страницу за страницей торопливыми каракулями, у меня не было ни возможности опомниться, ни веры в смысл моего занятия, жалобы, обвинения и самообвинения выливались из меня, как вода из треснувшего кувшина, без надежды на ответ, из одной потребности выговориться.
83. На другой день, наконец-то придя в себя после многократных пробуждений и новых приступов забывтья, с головной болью, но чувствуя себя отдохнувшим
84. Итак, Братство, о котором я и знать ничего не знал, продолжало свое бытие без меня и рассматривало меня попросту как отступника!
85. Лео шел впереди, и снова, как в былые дни, при каждом взгляде на него и на его походку я принужден был дивиться, что это за прекрасный, за совершенный слуга. Упруго и терпеливо устремлялся он вперед, опережая меня, указывая мне путь, всецело проводник, всецело исполнитель порученного ему дела, всецело в своей служебной функции.
86. Я был готов на деле показать, что соблюл верность Братству, я был готов повиноваться. Соболаговоят старейшины покарать или простить меня, я заранее был готов все принять, во всем признать их правоту, оказать им полное послушание.
87. Ну да, я пытался найти выход в том, чтобы отвлечься от внеличного взгляда на историю и без оглядок на высшие смысловые связи, мотивы и цели попросту ограничить себя тем, что было пережито мною лично. Теперь ясно, к чему это вело.
88. Нем дальше, однако, перечитывал я страницы моей рукописи, тем меньше нравился мне этот труд, даже в часы чернейшего отчаяния он не представлялся мне таким ненужным и нелепым. Все было так бессвязно, так бессмысленно, самые очевидные смысловые связи спутаны, самое необходимое позабыто, передний план отдан каким-то случайным, маловажным подробностям! Нет, все надо было начинать сначала.
89. С забившимся сердцем наткнулся я и на свое собственное имя, но не посмел навести касательно него справки в архиве: для кого было бы по силам узнать суждение о нем самом этого всеведущего судилища?
90. как паломничество это потерпело неудачу в силу коварных и по сути дела неизвестных причин, как после волшебство все больше и больше отлетало и какая скука, пустота, унылая безнадежность отовсюду обступила меня и проникла в меня с тех пор!
91. Увы, сегодня, думалось мне, уже недостаточно призрака арабской принцессы, чтобы дать мне силу против мира и ада и сделать из меня рыцаря и крестоносца, сегодня для этого было бы потребно иное, более сильное волшебство.

92. Легкий шорох отвлек меня от моих грез, таинственно и жутко глядели на меня со всех сторон необозримые глубины архива. Новая мысль, новая боль пронизала меня с быстротой молнии: и это я в моем неразумии хотел писать историю Братства, между тем как мне не под силу расшифровать или тем паче понять хотя бы одну тысячную долю всех этих миллионов рукописей, книг, изображений и эмблем! Я был уничтожен, я был несказанно посрамлен, смешон самому себе, непонятен самому себе, обращен в сухую, бесплодную пылинку, а вокруг меня лежали все эти сокровища, с которыми мне дано было немного поиграть, чтобы я восчувствовал, что такое Братство — и что такое я сам.
93. Моцарта в наряде Пабло
94. я был не менее глубоко потрясен и растроган тем, что именно Лео, некогда известный мне как носильщик и слуга, оказывается, стоял во главе всей иерархии Братства и готовился судить меня.
95. Понять это было страшно и радостно. Умалившись, поникнув, стоял я у подножия того самого престола, перед которым некогда совершилась церемония моего принятия в Братство
96. Положим, можно признать понятным и весьма извинительным, что он нарушил свою верность Братству, что он приписал ему свою же собственную вину, собственное свое неразумие, что он усомнился в самом его существовании, что странное честолюбие внушило ему мысль стать историографом Братства.
97. — Однако, — продолжал Лео, и тут его мягкий голос стал печальнее и серьезнее, — однако обвиняемый изобличен и в иных, куда более серьезных прегрешениях, и хуже всего то, что в них он не обвиняет себя, более того, по всей видимости, даже не думает о них. Да, он глубоко раскаивается в том, что несправедливо мыслил о Братстве, он не может себе простить, что не увидел в слуге Лео первоверховного владыку Льва, он даже недалек от того, чтобы усмотреть, сколь велика его собственная неверность Братству. Но если эти мысленные грехи, эти ребячества он принимал чересчур всерьез и только сейчас с великим облегчением убедился, что с вопросом о них может быть покончено улыбкой, он упорно забывает о действительных своих винах, число коим легион и каждая из которых по отдельности настолько тяжела, что заслуживает строгой кары.
98. ним и разделить его молитвы, нарушая тем самым четвертый параграф вашего обета, но предавались за дверями беспокойной скуке, дожидаясь конца досадной церемонии, которая представлялась вам совершенно излишней — не более чем неприятным испытанием для вашего эгоистического нетерпения.
99. вы пренебрегли религией, вы посмотрели свысока на собрата, вы раздраженно отвергли повод и призыв к самоуглублению и сосредоточенности.
100. — Мы не желаем, — продолжал первоверховный, — исчислять все проступки обвиняемого, он не должен быть судим по букве закона, и нам ясно, что увещания нашего достаточно, дабы пробудить совесть обвиняемого и сделать из него кающегося самообвинителя.
101. Но существуют инстанции более высокие, судьи более непогрешимые, чем слуга Лео. Каково суждение твари божьей о вас, обвиняемый? Помните ли вы пса по имени Неккер? Помните ли вы, как он отверг и осудил вас? Он неподкупен, он не заинтересованная сторона, он не член Братства.
102. Обвиняемый до сего часа не знал или не имел сил по-настоящему поверить, что ему попущено было отпасть и сбиться с пути ради испытания.
103. Но под конец он уже не мог прятаться от нас и совершать над собой насилие, его боль сделалась слишком велика, а вы знаете, что, когда боль достаточно велика, дело идет на лад. Брат Г. доведен своим искусом до ступени отчаяния, того отчаяния, которое есть исход любой серьезной попытки постичь и оправдать человеческое бытие. Отчаяние — исход любой серьезной попытки вытерпеть жизнь и выполнить предъявляемые ею требования, полагаясь на добродетель, на справедливость, на разум. По одну сторону этого отчаяния живут дети, по другую — пробужденные. Обвиняемый Г. — уже не ребенок, но еще не до конца пробужденный. Он еще пребывает в глубине отчаяния. Ему предстоит совершить переход через отчаяние и таким образом пройти свое второе послушничество.
104. — Нет, на это я неспособен, — вскричал я тоном самозащиты.

105. — Обвиняемый и самообвинитель Г., вы оправданы. Но вам следует еще знать, что брат, оправданный в процессе такого рода, обязан вступить в число старейшин и занять место в их кругу, предварительно доказав свою веру и свое послушание в некоем трудном деле.
106. — Нет, — отказался я, — это тоже не в моих силах. — *Cave, frater*, — громко воззвал ко мне первоверховный, — предостерегаем тебя, неистовый брат! Я начал с самых легких задач, для которых достаточно самой малой веры. Каждая последующая задача будет все труднее и труднее. Отвечай: готов ли ты и согласен ли ты запросить суждение нашего архива о тебе самом?
107. Наша группа, как гласили документы, дошла в своем пути до Морбио, но там была подвергнута искусству, которого не сумела выдержать и который состоял в исчезновении Лео.
108. стоило нам обнаружить, что Лео нас покинул, и вся наша группа потеряла голову и утратила веру, предалась сомнениям и бесполезным дебатам и кончила тем, что в противность самому духу Братства распалась на партии и все разошлись по своим углам.
109. Когда в один прекрасный день он отстал во время перехода и больше не показывался, никому и в голову не пришло сделать из-за него остановку и начинать розыски, дезертирство было слишком очевидно.
110. К сожалению, так поступил не он один, и под конец от нашего маленького отряда не осталось ничего...»
111. Настолько, насколько здесь вообще позволительно говорить о вине и ответственности, в крушении этом были виновны двое по видимости безобидных братьев: музыкант Г. Г. и Лео, один из слуг. Оба они, прежде всеми любимые и верные приверженцы Братства, не понимавшие, впрочем, всемирно-исторической важности последнего, — оба они в один прекрасный день бесследно исчезли, не забыв прихватить с собою кое-какие ценные предметы и важные документы из достояния нашего ордена, из чего возможно заключить, что несчастные были подкуплены могущественными недругами Братства...»
112. Если память этого историографа была до такой степени омрачена и наводнена ложными представлениями, хотя он, судя по всему, писал свой отчет с самой чистой совестью и без малейших сомнений в своей правдивости, — какую цену могли иметь мои собственные записи? Когда бы сыскалось еще десять отчетов других авторов о Морбио, о Лео и обо мне, все они, надо полагать, так же противоречили бы друг другу и друг друга оспаривали.
113. До чего каждый, решительно каждый предмет отдалялся, изменялся, искажался в этих зеркалах, до чего насмешливо и недостижимо скрывала истина свое лицо за всеми этими утверждениями, опровержениями, легендами! Где была правда, чему еще можно было верить?
114. Там совершалось очень тихое, мягкое, но неудержимое таяние или струение, и притом струение это было направлено из недр моего подобия к подобию Лео, и я понял, что мой образ будет все больше и больше отдавать себя Лео, перетекать в него, питать и усиливать его. Со временем, надо думать, вся субстанция без остатка перейдет из одного образа в другой, и останется только один образ — Лео. Ему должно возрастать, мне должно умиляться.

Конец текста